

Валентин Яковенко

Джонатан Свифт. Его жизнь и литературная деятельность

Жизнь замечательных людей

Валентин Яковенко

**Джонатан Свифт. Его жизнь и
литературная деятельность**

«Public Domain»

Яковенко В. И.

Джонатан Свифт. Его жизнь и литературная деятельность
/ В. И. Яковенко — «Public Domain», — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

© Яковенко В. И.

© Public Domain

Содержание

Введение	6
Глава I. Детство и первые годы возмужалости	9
Глава II. Варина, Стелла и Ванесса	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Валентин Яковенко Джонатан Свифт. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк В. И. Яковенко

С портретом Свифта, гравированным в Лейпциге Геданом

Введение

Обычные суждения о Свифте. – Портрет Свифта. – Пылкость и рассудительность. – Надгробная надпись на его могиле. – Saeva indignatio u virilis libertas как основные черты его характера, деятельности, произведений.

Кто не читал, по крайней мере в дни детства и юности, «Путешествий Гулливера» и не сохранил о них воспоминаний как о крайне забавной и увеселительной книге, а об авторе ее, Джонатане Свифте, как об остроумном рассказчике? Знаем мы еще, хотя крайне смутно и неопределенно, что Джонатан Свифт был превеликий мизантроп, человеконенавистник, что он загубил жизнь двух женщин, что он отличался непостоянством в своих политических убеждениях и переходил на сторону тех, кто в данный момент стоял у власти, и так далее. Действительно, вокруг личности Джонатана Свифта накопилась такая масса всяческих вероятных и невероятных рассказов, эпизодов, историй, что английские биографы до сих пор, то есть спустя почти полтора столетия после смерти его, принуждены входить в детальное рассмотрение и опровержение разных сомнительного сорта выводов, на которые так падка всякая ограниченность по отношению к истинному величию. Речь идет, собственно, не столько о самих фактах, сколько о том или ином освещении и сопоставлении их. Если и в Англии, на родине, жизнь гениального сатирика, его характер, внутренние мотивы его деятельности получают разное толкование и освещение, то мы ограничиваемся или полным неведением, или кое-какими обрывками и принимаем с легкой верой всякие рассказы о бессердечности, измене и так далее. В предлагаемой биографии, конечно, не место входить в рассмотрение и оценку различных аргументов, приводимых в пользу того или другого мнения. Оставляя все это в стороне, я обрисую жизнь, характер и деятельность Джонатана Свифта, как они представляются на основании позднейших английских работ, заслуживающих наибольшего доверия. Напомню только, что если великий человек, – будь то вдохновенный поэт, или творец новых идей, или беспощадный критик отжившего и борец за лучшее будущее, – не лишен многих людских слабостей и недостатков, то не ради этих последних мы изучаем жизнь его. Все они теряются в безбрежном море мыслей и дел, порождаемых на благо человечества истинным гением. А что «золотая середина» со своим пошлым мерилом умеренности и аккуратности не может успокоиться, не измерив в точности все эти слабости и недостатки, – так ведь иначе и быть не может: ей не под стать безбрежное море, и она находит больше поучительного для себя в грязной луже.

Всмотритесь в портрет Свифта в пору его полного развития сил. Необычайная энергия светится в каждой черте его правильного, красивого лица, энергия нервная, пронизывающая, не знающая ни минуты покоя. Изгиб губ, кривизна линий, очерчивающих подбородок и ноздри, проведены резко, точно высечены из мрамора; пронизательные голубые глаза, высматривающие из-под густых бровей, производили в особенности сильное впечатление на современников: выражение их менялось как бы по произволу и становилось то насмешливым и мягким, как лазурь небесная, то презрительным, негодующим, мрачным, как туча. Приподнятые кверху углы рта – признак тонкого юмора, живого остроумия; но во всем лице нет и следа спокойствия, столь свойственного вдохновенным поэтам. Все это говорит о могучих страстях и чувствах, двигавших Свифтом, но о страстях сдержанных, укрощенных силою разума и обреченных поэтому искать для себя выхода в безустанной умственной работе и в безостановочном водовороте умственной борьбы.

Среди англичан чаще, чем среди других народов, встречаются подобные характеры: беспредельная горячность, пылкость чувства, обуздываемая и сдерживаемая не менее могучим разумом. Поэтому-то произведения таких представителей англосаксонской расы, как Свифт, Джонсон, Карлейль, носят своеобразный, исключительно им присущий характер, а

когда знакомишься с жизнью этих людей, то невольно, несмотря на все несимпатичное, часто грубо эгоистичное, с чем встречаешься здесь, преклоняешься перед их энергией и убеждаешься воочию, что имеешь дело с истинными титанами человеческого рода.

На надгробной плите, под которой покоится прах Свифта, вырезана, согласно его собственному желанию, следующая знаменательная надпись: «*Hic depositum est corpus Jon. Swift... ubi saeva indignatio ulterius cozlacerare nequit. Abi viator et imitare, si poteris strenuum pro virili libertatis vindicem*». Что означает: «Здесь покоится тело Джоната Свифта... где жестокое негодование не может уже более терзать сердца. Иди, путник, и, если можешь, подражай ревностному поборнику за дело мужественной свободы». Даже могила не могла укротить Свифта, и он пожелал, чтобы из мрака ее, как вечное напоминание потомству, слышалась его неумирающая *saeva indignatio* (жестокое негодование) по поводу того, что в мире, покинутом им теперь навеки, нет *virilis libertas* (мужественной свободы). Этими двумя словами – *негодование* и *свобода* – Свифт сам определяет две главные точки, вокруг которых вращалась вся его жизнь и вся его деятельность. В сущности, это даже не две разные точки, так как при наличии известных условий они составляют один нераздельный фокус. Там, где нет свободы, там люди – сильные и слишком великие для того, чтобы склонить свою голову наравне с массой под ярмо рабства, – испытывают и могут испытывать одно только чувство всепоглощающего негодования. И наоборот, когда негодование вырывается бурным потоком, несмотря на все преграды, то это значит, что достоинство человека попрано и свобода его нарушена...

Да, Свифт представляет собою единственное в своем роде во всей западноевропейской литературе воплощение «*saeva indignatio*». Как это ни странно на первый взгляд, но жестокое, свирепое негодование Свифта шло рука об руку в его характере с пылкой чувствительностью; эти два основных течения, взаимно сталкиваясь, породили все то таинственное и непонятное в его жизни, что вызывало и всегда будет вызывать особый интерес к личности гениального сатирика и памфлетиста. Люди более мелкого калибра прибегают к разного рода компромиссам и так или иначе устраивают мир между своею чувствительностью и своим негодованием. Но Свифт был совершенно неспособен на подобного сорта сделки, и *saeva indignatio* прошла, можно сказать, опустошительным вихрем в его жизни, сокрушая и уничтожая все на своем пути. Она опустошила его личную жизнь, разбила его политическую карьеру, беспощадно осмеяла политические дела и общественную жизнь горячо любимой им Англии, посягнула на само человечество и дерзко пыталась ниспровергнуть его с пьедестала. Когда, казалось, уже все было разметано и разбросано, тогда она поразила сам организм, служивший ей воплощением, и повергла его в мучительную и бесконечно длившуюся агонию. Та же двойственность его личного характера отразилась и на общем тоне его произведений: под насмешливым юмором, веселым смехом, спокойной, иногда, кажется, убийственно холодной сатирой таится самая пылкая страстность, – и чем холоднее становятся его рассуждения, тем сильнее дает о себе знать сдержанная, но благодаря этому лишь удесятерившаяся страсть.

Идея свободы, одушевлявшая Свифта, определяет и главное содержание его произведений, получивших мировую известность и утвердивших за своим творцом всеобщее признание гения; это – беспощадное преследование лицемерия и насилия во всяких его видах и образах, лицемерия в самом широком смысле слова, которое ютится как в сердце отдельного человека, так и в массе общественных учреждений и общественных дел. Свифт принялся за очистку авгиевых конюшен и, чем он глубже погружался в эту работу, тем отвратительнее ему представлялось все это человечество, утратившее свою первобытную простоту и правдивость и обросшее непроницаемым слоем лжи, грязи и мерзости. Таким образом возникла мизантропия Свифта, и он воплотил человечество в презренном образе *йеху*.

Но обо всем этом мы узнаем в своем месте. Вышеприведенными общими замечаниями относительно сущности характера Свифта и его произведений я пока и ограничусь. Я предпосылаю их самой биографии, так как считаю целесообразным в данном случае, когда приходится иметь дело с такой личностью, как Свифт, установить предварительно общую точку зрения, которая дала бы возможность разобраться во всех странностях и противоречиях, ассоциированных с именем гениального сатирика.

Глава I. Детство и первые годы возмужалости

Дед и семья Свифта. – Бедность. – Невольная поездка в Англию. – Килькенская школа. – Дядя. – Дублинский университет. – Свифт вступает в жизнь. – Вильям Темпля. – Недовольство. – Встреча с Вильгельмом III. – Нерешительность. – Первые литературные опыты. – Свифт становится священником. – Килрут. – Снова у Темпля. – Эсфирь Джонсон. – Смерть Темпля. – «Битва книг» и «Сказка о бочке». – «Решения»

Джонатан Свифт происходил из бедной семьи. Его дед, Томас Свифт, приходский священник в Гудриче, – о котором особенно любил вспоминать Джонатан, – хотя также не имел особенных средств, но, во всяком случае, жил в достатке, несмотря на свою многочисленную семью. Однако всеобщая смута, постигшая Англию во время гражданских войн, не прошла бесследно и для него. Как горячий приверженец короля, он принял деятельное участие в борьбе и оказывал содействие своим единомышленникам чем только мог. Он произносил речи ультрароялистического содержания, зорко следил за отрядами войск, беспрестанно передвигавшихся с места на место, уведомлял своих, предупреждая об угрожавших опасностях, наконец, жертвовал последним своим достатком для поддержания безнадежного дела. Он проявлял большую энергию и деятельность. Простой деревенский народ с недоумением смотрел на своего викария. Несколько раз все его достояние подвергалось полному разграблению и расхищению, однако из неведомых недр его обширного, с массой всяких чуланов и кладовых, дома извлекались все новые запасы. Народ считал его просто колдуном.

Однажды, рассказывал Свифт, его деду случилось быть в городе, державшем сторону короля; правитель города, к которому он явился, просил его пожертвовать что-либо на пользу общего дела. Викарий снял свое верхнее платье и отдал его. «Ваше платье – слишком ничтожное пожертвование», – ответил тот. «В таком случае, – сказал викарий, – возьмите мою жилетку»... В ней оказались зашитыми триста старинных золотых монет – пожертвование немаленькое для бедного, и притом еще вконец разоренного приходского священника. Он же был виновником, как утверждала молва, гибели 200 конных мятежников, переправлявшихся через речку и насадивших своих коней на острые гвозди какой-то машины, придуманной викарием и скрытой им на дне речки. Все это не прошло, конечно, для него безнаказанно. Местный временный комитет признал его не только беспокойным и подозрительным человеком, но даже опасным злоумышленником; поэтому он был арестован и заключен в тюрьму, а его ферма и все его имущество секвестрованы. С окончанием междоусобиц викарий получил свободу и снова принялся за восстановление своего разоренного пепелища, но он не дождал Реставрации, которая, конечно, вознаградила бы его щедро за все понесенные жертвы. Таким образом, Томас Свифт не оставил почти ничего в наследие своей многочисленной семье, и члены ее предоставлены были всецело собственным своим усилиям.

Отец Свифта, также Джонатан, шестой или седьмой сын знаменитого викария, после смерти отца отправился в Ирландию, где его старший брат Годвин успел уже нажать себе порядочное состояние. Джонатану было тогда всего только 18 лет; он существовал разными частными и случайными занятиями, которые доставлял ему брат. Несмотря на это, он вскоре женился на Эбигеле Ирик, происходившей из старинной лейчестерской семьи. Затем получил место управляющего королевскими отелями в Дублине, что обеспечивало хотя и небольшие, но верные средства существования. При поддержке богатого и пользовавшегося хорошим положением в городе брата Джонатан рассчитывал со временем сделать карьеру, однако этим надеждам не суждено было осуществиться. Он умер, оставив жене своей – с маленькой дочерью и беременной вторым ребенком – самые ничтожные средства существования. Джонатан Свифт, будущий великий сатирик, не знал, таким образом, вовсе своего отца. Он родился 30 ноября 1667 года, спустя семь месяцев после смерти отца.

Таким образом, Свифт увидел свет Божий при крайне печальных обстоятельствах. Злейший враг всей его жизни, которому он объявил в будущем жестокую войну, – зависимость встретила его на самом пороге жизни: мать не могла существовать своими средствами, и ей помогал Годвин.

Вообще, семейные традиции, имеющие немалое значение в умственном и нравственном развитии каждого человека, представляли для Свифта мало утешительного. Одна только фигура энергичного деда, имевшего, несомненно, кое-что общее со своим внуком, резко выделялась из серой заурядной жизни, посвященной заботам о добывании средств к существованию и мелким житейским делишкам. А непосредственная действительность была и того хуже. Свифт слишком рано лишился также ухода и ласк своей матери, женщины доброй, веселой и не без некоторого остроумия. Ему был всего лишь год от роду, как его самовольным образом увезла кормилица к себе на родину, в Англию. Сделала она это, правда, без всякого злого умысла; напротив, она так привязалась к ребенку, что не могла расстаться с ним и потому решила, когда личные дела потребовали ее присутствия в Англии, увести тайком своего вскормленника. Он пробыл у нее целых три года, так как мать, отчасти по собственному нездоровью, а отчасти опасаясь за сына, не решилась совершить с ним обратное путешествие через пролив и оставила его на руках кормилицы, пока он не окреп. Здесь же Свифт приобрел и первые познания в грамоте; когда мать взяла его обратно к себе, то он мог уже читать по складам Евангелие.

Возвратившись в Ирландию, Свифт недолго жил с матерью: шести лет он был отдан дядей Годвином в Килькенскую школу, одну из лучших в то время в округе. С этого же момента для Свифта, собственно, перестает существовать его родная семья, и он растет, как круглый сирота. Оторванный от матери, к которой он питал глубокую привязанность в течение всей своей жизни, Свифт терзался и мучился здесь, затаив в своем сердце злобу и ненависть к дяде, руководившему теперь его воспитанием. Он знал, что дядя располагает большим состоянием, но считал его жадным и думал, что он неохотно, в силу лишь необходимости, как ближайший родственник, поддерживал его. Вспоминая о своей школьной жизни, он среди прочего говорит: «Однажды, занимаясь ловлею рыбы, я заметил, что за крючок удочки дергает большая рыба; я стал ее тащить и почти уже совсем было вытащил на берег, как она сорвалась и исчезла в воде; досада мучит меня до сих пор, и я верю, что это было предзнаменование всех моих будущих разочарований...» Несомненно, грядущее, со всею его борьбою, терзаниями, разочарованиями и неудачами, лежало уже в зародыше в сердце школьника Килькенского училища и уже начинало проявлять первые признаки жизни. Четырнадцати лет Свифт поступил в Тринити-колледж в Дублине. Он был далеко не из выдающихся учеников. К некоторым наукам, например к метафизике, логике, схоластической, конечно, в то время, он питал положительное отвращение, – отвращение, весьма характерное для Свифта. Эта складка его мышления сказалась впоследствии во всех его работах. Зато он изучал довольно прилежно классиков и приобрел в этом отношении значительные познания. На последнем курсовом испытании он получил, между прочим, следующие отметки: по физике – скверно, по латыни и греческому – хорошо, по сочинению – небрежно. Такие отметки не давали права держать дальнейший экзамен на бакалавра, который состоял в схоластическом диспуте, и Свифту предстояло потерять еще один год; но в то время практиковался обычай допускать в подобных случаях к диспуту *specialis gratia*, как выражались тогда, то есть в виде особой милости. Это злополучное *specialis gratia* послужило впоследствии поводом для биографов обвинять Свифта в том, что он получил саму степень бакалавра из милости. Однако в действительности, как мы видим, это было не так. Вообще усиленным занятиям Свифта в университете сильно мешала полная необеспеченность и тягостное настроение, вызываемое мыслями о вечной зависимости. Давал ли дядя повод к подобным мыслям или они возникали просто из самолюбия и гордости Свифта, –

во всяком случае, ему приходилось считаться с ними, и он терзался. В пылу негодования он говорил, что дядя дал ему собачье воспитание; между тем к другим родственникам он относился тепло и сердечно. Надо думать, что были же какие-нибудь внешние обстоятельства, послужившие причиной такого озлобления. Лишенный теплого, благотворного влияния родной семьи и вполне предоставленный своим собственным терзаниям, Свифт уже здесь, в колледже, познал всю цену независимости и материальной обеспеченности как необходимого условия первой. Мысль добиться независимого существования прочно запала в душу юноши и служила решающим мотивом во многих важных случаях дальнейшей его жизни. Свифт никогда не был скупцом и скрягой; напротив, целой вереницей проходят люди, родственники и неродственники, которым он оказывал материальную поддержку; но он слишком хорошо знал цену деньгам и потому отличался замечательной бережливостью и аккуратностью в своих расходах.

Однажды, еще в бытность в колледже, когда Свифт находился в особенно угнетенном настроении, так как даже ненавистный дядя Годвин не мог уже более его поддерживать (тот разорился на разных спекуляциях), и с отчаянием думал о своем будущем, он заметил из окна какого-то матроса, очевидно иностранца, ходившего взад и вперед по двору и разыскивавшего кого-то. «А что, если это посланец от моего двоюродного брата Уилауби, – подумал он, – и ищет меня, чтобы передать подарок от него...» Предчувствие не обмануло: мечта оказалась действительностью. Моряк вошел в его комнату и подал ему кошелек, плотно набитый деньгами, говоря, что это – подарок от двоюродного брата Уилауби, занимавшегося тогда торговлей в Лиссабоне. Радости Свифта не было предела; он горячо благодарил посланца и предложил ему часть денег в вознаграждение за труд, но тот отказался. Свифт поторопился спрятать столь ценный для него подарок. Это была первая значительная сумма, попавшая в его руки, – но он уже знал цену деньгам и проявил, несмотря на свои молодые годы, ту расчетливость, которую часто путают со скупостью. В течение долгого времени незабвенный кошелек выручал его в затруднительных случаях.

Получив степень бакалавра, Свифт ревностно принялся за систематическое чтение, продолжал заниматься классиками и начал изучать новейшую французскую литературу.

Он готовился к магистерскому экзамену. Однако вскоре ему пришлось изменить свои намерения. Лишенный всякой поддержки, он не мог долее оставаться в университете. Приходилось заботиться уже не о науке, а о необходимых средствах существования. Подарок Уилауби пришелся весьма кстати. Свифт решил, что это будет последнее одолжение, которое он принимает от родных, и что с этого момента он должен стать на собственные ноги и завоевать себе положение, соответствующее его непомерному самолюбию. Страстное стремление к независимости воодушевляло его, а могучие силы, таившиеся в нем, служили достаточной гарантией того, что он добьется своего; однако для успешной борьбы необходима еще известная выдержанность, известная дисциплина, регулирующая и неуклонно направляющая силы человека к одной намеченной цели, и такой-то дисциплины совершенно не доставало Свифту. Но ведь она и приобретается людьми бесстрашными и наделенными пылким темпераментом лишь из самой жизни и путем непосредственной жизни. Медлить было некогда, и Свифт вступил в жизнь, – чтобы познать все трудности ее и вынести все бремя тяжести, налагаемое демоническим гением гнева и отрицания, – юношей двадцати одного года. Гений подобного рода проявляется обыкновенно в более зрелом возрасте; поэтому на первых порах в жизни Свифта мы замечаем лишь беспокойное непостоянство, непоседливость, резкость и грубость, насмешливость и колкость, гордость и презрительное отношение ко всему, что причиняло ему страдания, и одно только ясно осознанное стремление – завоевать себе во что бы то ни стало независимость.

Выход Свифта из университета совпал с крайне тревожными событиями, главной ареной которых была Ирландия. Яков II бежал из Англии и искал опоры в преданных ему като-

лика. Ирландцы откликнулись на призыв своего короля. Снова разгорелась междоусобица. Англичанам пришлось покинуть свои насиженные места и искать спасения в бегстве. При таких условиях Свифту в Ирландии тоже было не на что рассчитывать, и он бежал вместе с другими. Приехав в Англию, он направился первым делом к своей матери, жившей в Лейчестере. Отношение его к матери было всегда самым теплым и сердечным; в последующие годы своей жизни он часто навещал ее, совершая свои путешествия иногда пешком. Но что ему было делать теперь в Лейчестере? Мать не имела никакого положения, проживая на свои несчастные 20 фунтов (200 р.). Разве заниматься любовными интригами? И сам Свифт признается, что он повинен в подобных забавах, – флиртешах, как называют их в Англии, – но что он никогда не выходил из известных границ. Еще в университете, не выходя далее полумили от ворот, он научился обуздывать свои матримониальные стремления, в чем ему много способствовал «холодный темперамент». «Одно весьма почтенное лицо в Ирландии, – писал он в одном из своих писем, – которое снизошло до того, чтоб заглянуть в мою душу, часто говаривало мне, что моя душа подобна заколдованному духу, который наделает бед, если я не найду ему выхода...» И вот он, чтобы дать хоть какой-нибудь исход своим беспокойным силам, позволял себе заниматься «флиртешами». . . Впрочем, мать его опасалась одно время, чтобы он не увлекся некой Бетти Джонс; но эта последняя избежала опасности стать женой гениального человека, выйдя замуж за содержателя постоянного двора. Много времени спустя она обращалась за помощью к Свифту, и он охотно «пожертвовал ей пять фунтов» ради старинного знакомства. Такая жизнь не могла, однако, увлечь Свифта; кроме того, приходилось подыскивать себе какую-нибудь работу. Как ни трудно было для такой гордыни, как он, делать первый шаг и начинать именно с той зависимости, которая для него была уже теперь так ненавистна, но «судьба» не церемонилась с ним и, в виде первого испытания, свела его с утонченным дипломатом-аристократом, поставила в положение слуги у отдаленного родственника, смотревшего с высоты великосветского человека на грубого и резкого студента. Это был Уильям Темпл. При Стюартах он занимал видное положение в государственной иерархии, принимал непосредственное участие в важнейших делах, вел дипломатические переговоры и так далее. В эпоху иступленной партийной вражды и диких религиозных преследований он сохранял спокойствие и хладнокровие; он не был вовсе энтузиастом в каком бы то ни было смысле, хотя имел определенные политические взгляды, которые и проводил в своей деятельности, но ради которых не согласился бы пожертвовать чем-либо существенным. Среди развращенного, преданного всяким порокам и преследующего самые низменные цели придворного круга того времени это была, несомненно, светлая, выдающаяся личность. Уже одно то, что он был честен и благоразумен, когда все вообще, даже сам король (Яков II), не гнушались подкупами и ради сегодняшнего дня совершенно забывали о завтрашнем, – одно уже это в своем роде заслуга; кроме того, он, несомненно, получил хорошее образование, много читал, интересовался литературой. Он имел внешний блеск и показное величие, но не имел глубокого сердца и сильной мысли, и в этом отношении он представлял прямую противоположность Свифту.

Мать Свифта обратилась к Темплу, как к своему отдаленному родственнику (по жене), с просьбой принять участие в судьбе ее сына и устроить его. В это время Темпл уже покинул государственную и дипломатическую деятельность и проживал в своем поместье Мур-Парк. Здесь его часто навещал Вильгельм и советовался с ним как с опытным политиком. Таким образом, Темпл продолжал занимать высокое положение. Он отозвался на просьбу и пригласил Свифта к себе. По мнению придворного вельможи, бедный родственник должен был удовлетвориться ролью доверенного слуги при нем. Действительно, положение Свифта на первых порах было крайне незавидное и даже унижительное. Он читал своему патрону, писал для него, вел счетные книги и вообще исполнял всякие обязанности старшего камердинера. Впоследствии Свифт неохотно вспоминал об этом своем первом пребы-

вании в Мур-Парке. «Неотесанный» студент-юноша с громадным самолюбием и горделивыми мечтаниями не мог, конечно, примириться с положением слуги. Вероятнее всего, он манкировал своими обязанностями, неумело исполнял их, был груб. Недовольство росло с обеих сторон. Открытый разрыв становился неизбежным, но вряд ли он был желателен как для патрона, так и для покровительствуемого им родственника. На выручку явился случай: у Свифта обнаружили припадки головокружения и глухоты, от которых он страдал впоследствии всю жизнь, и врачи посоветовали ему отправиться полечиться на родину. Благодаря этому обстоятельству, отъезд Свифта не только не сопровождался раздором, но Темпл даже снабдил его рекомендательным письмом к секретарю вице-короля Ирландии. На родине устроиться ему, однако, не удалось. Он вскоре возвратился снова в Англию, побывал у матери и, в конце концов, мы находим его опять в Мур-Парке. И Темпл, и Свифт успели за это время более беспристрастно оценить друг друга. Первый был настолько проницателен, что не мог не заметить способностей, таившихся еще в скрытом состоянии в этом грубом и неопытном юноше, а второй, в свою очередь, убедился на опыте, что общество выдающегося государственного деятеля – далеко не последняя вещь и что вообще не так-то легко устроиться и найти соответствующее своим вкусам занятие. На этот раз, однако, положение Свифта в доме Темпля было уже совершенно иным. Прежде всего, Темпл оказал ему поддержку в получении степени магистра в Оксфордском университете. Затем, как он сам выражается в своем письме, Темпл стал доверять ему дела большой важности. К этому же времени относятся встречи и разговоры его с Вильгельмом III, которого он сопровождал во время его прогулок по саду в Мур-Парке. Несмотря на такую близость к королю, Свифт все еще не может устроиться сколько-нибудь определенным образом. Он подозревал даже, что Темпл с умыслом тормозил это дело, так как сам нуждался теперь в нем и боялся, чтобы он не оставил его. Правда, Вильгельм предлагал Свифту поступить к нему в драгуны, но последний, конечно, не мог отнестись серьезно к такому предложению. Но сознавал ли в это время сам Свифт, чего он, собственно, хочет? По-видимому, нет. Стремление к независимому положению было в нем сильно, – но нужно было, наконец, избрать определенную дорогу. Жизнь у Темпля привела его в соприкосновение с широкой ареной общественной деятельности; перед ним открывались очень заманчивые перспективы; самолюбие подталкивало его, а сознание собственных сил поддерживало. Тут проходили перед ним люди, руководившие самым ходом истории в Европе, он свободно мог наблюдать их, изучать их характеры и манеры, убеждаться в их действительных способностях. Все это давало богатейший запас знаний, которые приобрести так трудно и которыми он воспользовался впоследствии так искусно. Здесь же развернулся перед ним во всей своей наготе поразительный контраст, существующий нередко между внутренним ничтожеством человека и громадными силами, находящимися в его распоряжении, – контраст, давший обильную пищу едкой насмешке. Всмотревшись во все это, Свифт, очевидно, переживал критическую эпоху в своем развитии и оставался в нерешительности. С одной стороны, его внимание сильно привлекала политическая деятельность. Положим, он чувствовал отвращение к узости и педантической мелочности политических программ, к интригам, неизбежно связанным с политической деятельностью, к отрицанию индивидуальной самостоятельности и независимости; зато власть, влияние, положение на виду всех сильно возбуждали его, и он готов был ринуться в борьбу. С другой стороны, его уже давно привлекала литературная деятельность, и он мечтал выдвинуться именно на этом поприще. Он «писал и сжигал, и снова писал по всевозможным вопросам, писал, быть может, больше, чем кто-либо другой в Англии». Но вопрос, на что положить свои силы, оставался не решенным окончательно. Мысли и намерения Свифта еще, как говорится, не перебродили, и он хватался то за одно, то за другое.

Так, в 1693 году ему представился случай испытать себя на политическом поприще, и он воспользовался этим случаем. В это время шла усиленная агитация в пользу установле-

ния трехгодичных сроков для парламентских полномочий и был внесен соответствующий билль. Вильгельм, плохо знакомый с английской историей, колебался дать свое согласие и хотел наложить на него veto: он думал, что подобного же рода билль привел к гибели Карла I. Шумная агитация беспокоила его. Он обратился за советом к Темплю и послал к нему своего министра лорда Портленда; но последний тоже не понимал, собственно, ни действительного смысла английской революции, превратившей всякие королевские veto в анахронизм, ни, в частности, значения внесенного билля. Через такого посредника Темплю трудно было давать свои советы и рассчитывать на то, что они окажут должное воздействие на короля; сам он по нездоровью не мог отправиться в Лондон; а между тем он понимал всю серьезность положения и опасался крайне неприятных последствий для короля в случае, если тот действительно откажется утвердить билль. Поэтому он решил отправить к королю Свифта и поручил ему выяснить настоящее положение вещей и убедить короля не противодействовать биллю. Поручение, как видим, было крайне серьезное; кроме того, оно ставило Свифта лицом к лицу с королем. Теперь он уже являлся не в положении доверенного слуги, сопровождавшего высокого гостя во время его прогулок, а доверенного советника по вопросу государственной важности. Это был первый шаг Свифта на политической арене. Ему было тогда лет 25—26. Рассказывая об этом эпизоде, он говорит, что хорошо знал английскую историю и действительный характер английских учреждений. С юношеской уверенностью он полагал тогда, что все дело зависит от знания и правильного понимания. Однако первый опыт привел к глубокому разочарованию. Миссия окончилась неудачей: король не внял его представлениям; к счастью, билль был отложен на время. Это первое столкновение с придворной жизнью помогло ему, как он сам говорит, излечиться от тщеславия.

В области литературы первые опыты Свифта были тоже неудачны; его гений еще не обрел своего настоящего пути, он еще дремал. Его пиндарические оды, посвященные архиепископу Санкрафту, Темплю, Вильгельму III, имеют теперь лишь биографический интерес, да и в свое время не пользовались ни малейшей известностью. Драйден, литературный диктатор того времени и родственник Свифта, по поводу их сказал, между прочим: «Кузен Свифт, вы никогда не будете поэтом». Слова эти имели пророческий смысл, — тем не менее, они сильно задели Свифта, и он никогда не забывал жестокой обиды, нанесенной ему Драйденом. Как бы ни были несовершенны эти первые юношеские произведения, однако уже и в них то там, то здесь прорываются характерные особенности Свифтова характера: слышится гложущая тоска по независимости, какое-то недовольство собою и окружающим, пробивается злая насмешка, гневный упрек и так далее. Любопытно отметить, что в самом раннем из них, оде к архиепископу Санкрафту, уже находим некоторые мысли относительно церкви и ее привилегий, — мысли, служившие отправной точкой во всей политической деятельности Свифта и объясняющие его переход от виггов к тори.

Время шло, а положение Свифта оставалось все тем же. Он продолжал жить в Мур-Парке. Конечно, теперь Темпл относился к нему совершенно иначе, — теперь он был близким человеком для старого дипломата, начинавшего, по-видимому, понимать, с кем он имеет дело; но, тем не менее, Свифту жилось тягостно: он жаждал независимого положения и широкого поприща для приложения бродивших в нем сил, а должен был мириться с зависимой и уединенной жизнью при человеке, который совершил уже свое «все земное» и стоял у преддверия смерти. Свифт настойчиво просил Темпля доставить ему место, но тот медлил. Его внимание поэтому все чаще и чаще стало обращаться к церкви: к ней влекло и образование, полученное им, и родственные связи, и внешние обстоятельства, и, быть может, даже внутренняя склонность. Однако Свифт не делал решительного шага: он никак не мог примириться с тем, что священнический сан заставляют его принять обстоятельства, а не свободное влечение, и он ждал других возможностей, чтобы тогда уже на свободе сделать выбор.

Во всяком случае, вопрос уже был, несомненно, предрешен им, и, когда Темплъ предложил ему занять незначительное место с содержанием в 120 фунтов в год при Дублинских архивах, он отказался и отправился в Ирландию, чтобы принять там священнический сан. Расстался Свифт со своим патроном не особенно дружелюбно: он мог сделать для него много и не сделал почти ничего. А между тем обстоятельства сложились так, что пришлось снова обращаться к нему: для посвящения необходимо было представить удостоверение в добропорядочном поведении за все время, протекшее с тех пор, как он оставил Дублинский университет. Самолюбие Свифта страдало; пришлось, однако, писать письмо в весьма скромном, просительном тоне. Темплъ выслал немедленно необходимое удостоверение. Свифт принял священнический сан в 1695 году и получил место в Кильруте с содержанием около 100 фунтов в год.

Положение англиканской церкви в Ирландии было в то время крайне незавидным. Она не успела еще оправиться от разорения, причиненного ей еще столь недавними смутами и междоусобицами. Ей пришлось выдержать двойной натиск и вести борьбу на два фронта. С одной стороны, непримиримые «круглоголовые», которые, когда в их руках очутилась власть, отнеслись жестоко и свирепо к последователям епископальной церкви, памятуя вынесенные ими преследования от последней, а с другой – преобладающая масса католического населения со своим духовенством, вымещавшая при всяком удобном случае все перенесенные ею гонения и лишения, – как, например, это было во времена Якова II, открыто ставшего на сторону католицизма. В силу этих обстоятельств англиканская церковь в Ирландии, с замирением внутренних смут и восшествием на престол Вильгельма III, представляла собой картину полного разорения. Много имущества, принадлежавшего ей, попало в руки мирян; духовенство обнищало, и многие из священников страшно бедствовали; масса мест оставались вакантными; конгрегации рассеялись; бедные и беспомощные, бывшие на попечении приходов, не имели пристанища. Билли, предложенные в интересах поддержания церкви и содействия ее дальнейшему преуспеянию, были отклонены. Приняв священнический сан, Свифт раз и навсегда решил отстаивать достоинство и привилегии англиканской церкви, и в этом отношении вся деятельность его, по крайней мере практического характера, представляется вполне последовательной и строго выдержанной. Я говорю именно практического характера, так как знаменитая «Сказка о бочке» является вопиющим противоречием в устах даже англиканского священника.

Кильрут представлял отдаленный и глухой приход. Всякие попытки Свифта взглянуть пошире на свое дело разбивались об общий индифферентизм. Тяжело ему было, конечно, мириться с подобным незавидным существованием после того, как он соприкасался так близко с политической сферой, где решались судьбы всего народа, и после того, как он привык уже лелеять в глубине сердца широкие мечты о будущей деятельности. А тут ему оставалось лишь сидеть на берегу моря да бросать в воду камни в насмешку над своими прихожанами и в назидание им. Узость и партийность пресвитерианцев, многочисленных в его приходе, глупость и ограниченность местного дворянства – все это видел Свифт, всем этим он воспользовался впоследствии, но все это было для него отвратительно теперь. Здесь же, на первых порах своего независимого положения, он мог убедиться, как мало соответствует его наклонностям спокойная, отрешенная от житейских забот деятельность приходского священника. Правда, встреча с мисс Уоринг, сестрой одного из товарищей по университету, несколько рассеяла однообразие и скуку его жизни; но об этом эпизоде я расскажу в следующей главе; а пока для нас достаточно знать, что, написав любовное письмо к мисс Уоринг и получив на него уклончивый ответ, он покинул Кильрут и отправился снова в Мур-Парк, куда его звал Темплъ и куда, несмотря на всякие неприятные воспоминания, его тянуло самого. На этот раз дипломат-аристократ, доживавший уже свои последние годы, принял Свифта, как гостя; взаимное раздражение, столкновения, недовольство и так далее – обо

всем этом мы уже не слышим ничего. Очевидно, эти двое столь различных, даже противоположных людей научились ценить друг друга. В тиши Мур-Парка, на полной свободе, Свифт снова принялся за усиленное чтение; он проводил за книгой по 16 часов в сутки. Любопытно, однако, что среди разнообразного содержания его чтения мы не встречаем почти вовсе книг по теологическим и философским вопросам; больше всего он читал по истории, и в этом отношении библиотека Темпля представляла для него богатый выбор. За напряженными занятиями наступала обыкновенно реакция; физические силы требовали также исхода и находили его в далеких прогулках, путешествиях пешком – одним словом, в усиленной ходьбе. В ходьбе Свифт как бы изнашивал ту энергию, которая бурлила внутри его и причиняла ему немало страданий.

Так прожил Свифт в Мур-Парке несколько лет. Из лиц, близких к Темплю и живших в то время вместе с ним, следует упомянуть сестру его, игравшую роль хозяйки в доме, и Джонсон, вдову слуги, пользовавшегося большим доверием Темпля, с двумя дочерьми, из коих одна, Эсфирь, будущая Стелла, вступала теперь как раз в свой девичий возраст.

В 1679 году Вильям Тембль умер; в оставленном им завещании он поручал среди прочего Свифту издать его произведения и назначил на это некоторую сумму. Таким образом, Свифту снова предстояло вступить в жизнь и прокладывать себе дорогу, теперь даже без надежды на чью-нибудь помощь и содействие. Ходатайства его патрона перед королем окончились ничем. Свифт с горечью вспоминал впоследствии, что Тембль не сделал для него ничего. Но ему было тогда уже 32 года, он написал уже свою известную «Битву книг» (по поводу спора о преимуществах классиков сравнительно с новейшими писателями) и свою знаменитую, пользующуюся неувядаемой славой до сих пор, «Сказку о бочке»; он уже осязал реально таившиеся в нем силы, и ему нечего было страшиться будущего. Правда, его снедало честолюбие, а жизнь и деятельность все еще не давали пищи этому честолюбию; однако он имел полное основание рассчитывать, что широкая арена раскроется перед ним и что он возьмет от жизни все, принадлежащее ему по праву умственного превосходства и дарования. К этому времени относятся крайне любопытные решения, записанные Свифтом и принятые им в руководство для своей последующей жизни. А именно: не жениться на молодой женщине, не водиться с молодежью, исключая те случаи, когда она сама того желает, не повторять всяких слухов и пустых рассказов, не слушать болтливых и плутоватых слуг, не быть особенно щедрым на советы всякого рода, не хвастать своей красотой и благоклонностью женщин, искать хороших друзей, которые указывали бы ему на всякое уклонение от этих правил и помогали бы ему следовать им, не стоять за немедленное осуществление всех правил – из опасения, что в таком случае ни одно из них не будет осуществлено. Но следующее решение поражает и приводит в недоумение всякого: не любить детей и не подпускать их близко к себе. Неужели Свифт был так сух и черств, что не испытывал никакой потребности в самом чистом, в самом светлом чувстве? Очевидно, испытывал, если он ставил его под особый запрет: то, к чему нет позыва, нет склонности, нечего и запрещать. Свифт запрещает себе любить детей, несомненно, потому, что он боится этого чувства, – боится тех мучений, которые будут связаны с ним. Уже тогда в нем зрело решение, представляющее большую загадку его жизни: никогда не жениться, а следовательно, и не иметь собственных детей. Ласкать чужих детей, принимать участие в их радостях и горе, быть близким к ним – одним словом, любить их – и в то же время переживать в своей душе мучительное сознание, что у тебя не будет своих детей, – переносить такую постоянную пытку немногие способны. Если бы Свифт был великим альтруистом, он, конечно, нашел бы другой выход из борьбы двух различных чувств, несомненно происходившей в нем, и тогда бы вместо жестокого, на первый взгляд, просто бесчеловечного решения – не любить детей, мы услышали бы совсем другие речи. Но гений Свифта был совсем другого рода. Жестокое негодование и беспощадный смех – как они должны были чувствовать себя перед чистым, наив-

ным, не знающим еще даже сомнения, по-детски наивным взглядом ребенка?.. Любопытно, что, осмеивая все и всех, Свифт не касается вовсе детей. Напротив, в портретной галерее осмеянных им персонажей рельефно выступает обрисованный с глубокой симпатией образ Глюмдалклич, девочки-нянюшки Гулливера. Альтруизм Свифта носил особенный характер, свойственный вообще людям с сильно развитым личным самосознанием, энергичным и деятельным. Те, кого он любил, составляли как бы одно нераздельное целое с ним самим, и это одно охватывалось его сильным чувством, точно стальным обручем. Интересы близких ему людей становились его собственными интересами. Когда один из его друзей-министров попал в тюрьму, он готов был последовать за ним. Но как бы ни сильна была привязанность Свифта, она неизменно предполагала поглощение более слабого более сильным, а последним всегда был, конечно, он сам. При таком складе неудивительно, что он пришел к чудовищному решению не любить детей. Не любить он, собственно, не мог, так как он горячо любил людей; но он не мог сделать детей частью своего личного существования и потому, вероятно, чтобы не растревлять свои раны, он решает поступить радикально: даже не подпускать к себе детей.

Глава II. Варина, Стелла и Ванесса

Тайна интимных отношений Свифта. – Кильрут и Варина. – Стелла и Свифт в Мур-Парке. – Ларокор. – Переселение Стеллы в Ирландию. – Modus vivendi. – Любовь Тисдалля к Стелле. – Свифт в Лондоне. – «Дневник». – Ванесса и ее любовь. – Свифт и его поведение. – Переезд Ванессы в Ирландию. – «Каденус и Ванесса». – Брак со Стеллой. – Трагическая развязка. – Увядание Стеллы. – Тревога Свифта. – Смерть Стеллы.

Варина, Стелла, Ванесса – так называл Свифт трех женщин: Уоринг, Джонсон и Ваномри, с которыми находился в более или менее интимных отношениях; все они получили широкую известность, в особенности две последние; вокруг них вращается какая-то непонятная тайна, единственная в своем роде в мире литераторов, – тайна, унесенная с собою в могилу удивительным деканом церкви Святого Патрика. Друг Свифта, Дилени, рассказывает, что он случайно застал декана тотчас после его секретного бракосочетания со Стеллой у архиепископа. Свифт был страшно возбужден и расстроен. Он не узнал своего друга, но, заметив присутствие постороннего человека, бросился бежать. Дилени подошел к архиепископу; тот плакал и на удивленный вопрос, в чем дело, ответил: «Вы только что видели самого несчастного человека в мире, но вы никогда не должны спрашивать меня о причине его несчастья». И несчастье несчастнейшего человека осталось загадкой, очевидно, навеки; 150 лет прошло уже, как тайна унесена; многочисленные попытки, сделанные с тех пор, чтобы разгадать ее, не привели, собственно, ни к чему.

Не будем поэтому заниматься здесь различными предположениями и догадками; все они, в конце концов, носят характер измышлений, а обратимся к простому изложению интимной жизни Свифта, вращающейся главным образом вокруг двух имен – Стеллы и Ванессы. Но предварительно несколько слов о Варине, так как она первая завоевала непонятное сердце этого холодного и недоступного человека, в котором, однако, под пеплом таился вечный огонь, и первая познала всю неблагодарность и жестокость его любви. Варина, мисс Джени Уоринг, была, как я уже заметил, сестрой одного из товарищей Свифта по Дублинскому университету. Он знал ее еще во времена своего студенчества и встретился с нею снова, получив место приходского священника в Кильруте, – когда ему было уже без малого 30 лет. Красивый мужчина, с горделивой осанкой, повелительным взглядом своих пронзительных глаз, приятный собеседник, вносящий оживление благодаря своему неистощимому юмору и остроумию, Свифт легко находил себе доступ в общество и пользовался большим расположением женщин. Как приходскому священнику ему не подобало, конечно, заниматься «флиртешами», к которым он обнаружил склонность еще в юношеские годы: он думал, что легко расстанется с прежними склонностями, переступив через порог паперти. Однако не то натура оказалась сильнее рассудочного решения, не то жизнь в Кильруте уже слишком тяготила его своею пустотою и бессодержательностью, – только он не выдержал, и снова появились лица из особ прекрасного пола, которым он оказывал особое внимание и которые быстро подпадали под его обаяние. В числе их Варина заняла первое место. Свифту, как мы знаем, не сиделось в Кильруте. Решив бежать из него, он пишет горячее любовное послание Варине и повергает к ее ногам свою судьбу. Вероятно, между ними уже раньше были разговоры на тему о любви. Свифт обнаруживает в письме нетерпение, он домогается, ищет ее любви; а Варина, по-видимому, кокетничает, играет с ним. «Нетерпение, – пишет он, – наиболее свойственно влюбленным. Всякий добивается того, что считает своим счастьем. Страстное желание – все равно, что болезнь, и совершенно естественно, что люди ищут средств удовлетворить его, как они стараются излечить свои болезни... Я страшно страдаю от этой болезни... Некоторые обстоятельства отягчают еще более мое положение: то, что составляет предмет всех моих желаний, я чувствую, ежеминутно усколь-

зает от меня... Какая-то непонятная сила делает Варину слишком жестокой, а меня – жертвой этой жестокости. Все эти мысли терзают меня. Любовь Варины хуже ее жестокости... Отчего Вы не презирали меня с самого начала? Ваше сострадание сделало меня еще более несчастным, а теперь Ваша любовь совершенно уничтожает меня. Верьте мне, Варина, Вы не имеете понятия о тех радостях, которые доставляет людям истинная, безграничная, чистая любовь... Невозможно, чтобы Вы были не чувствительны к столь невинным и столь сладостным восторгам любви... Клянусь Богом, Варина, Вы гораздо опытнее меня, в Вас менее девственной чистоты, чем во мне... Вы прекрасно знакомы с интригами и страстями! Порукой в этом Ваше собственное поведение. Любить и отравлять любовь излишним благоразумием в тысячу раз хуже, чем вовсе не любить... Прощайте! Но не забудьте, что если Вы откажетесь быть моею, то Вы навеки потеряете меня, потеряете того, кто решился умереть, как жил, Вашим!»

Что такое за личность эта Варина, мы не знаем, да это и не интересно, собственно. Сама по себе она прошла, конечно, бесследно, а в жизни Свифта промелькнула случайным метеором. Следует отметить лишь, что она имела небольшое состояние и мечтала о жизни, полной довольства, суетных развлечений и наслаждений. Положение же Свифта в это время было незавидно, его доходы ничтожны, а беспокойный дух, терзавший его, и дерзкая, отважная насмешливость внушала лишь опасение маленькой женщине за свою будущность с таким человеком. Любила ли она его или не любила, но связать свою жизнь с ним не решалась и ограничивалась кокетством.

Уезжая, Свифт предостерегал ее, что она навеки потеряет того, кто любил ее, и он не ошибся. Через четыре года его положение изменилось к лучшему. Уже обрисовался тот путь, следуя которому он приобретет всемирную известность; в материальном отношении он также получил более обеспеченное место в Ирландии. Варина знала обо всем этом и решила напомнить ему о его прежних чувствах: остались ли они неизменными и испытывает ли он все такое же нетерпение?.. Теперь Варина, несомненно, согласилась бы стать женой беспокойного человека... Но тот не мог простить ей ее кокетства. Кроме того, не была ли эта любовь Свифта всего лишь пленной мысли раздраженьем?.. Теперь он, в свою очередь, любил и, по-видимому, действительно любил другую. В ответ на запрос он пишет холодное, язвительное письмо. «Я хотел бы знать, – спрашивает он, – как Ваше здоровье, поправилось ли оно после того, как доктора, Вы писали мне, советовали Вам не вступать в брак, так как брачная жизнь грозит Вам большой опасностью? Или Вы об этом думаете теперь иначе?.. В состоянии ли Вы будете устроить домашнее хозяйство, располагая доходом всего лишь в 300 фунтов стерлингов? Любите ли Вы меня настолько, чтобы угождать моим желанием, вести такой же образ жизни, как и я?.. Сумеете ли Вы владеть своими страстями, – продолжает он уязвлять ее, – поддерживать в себе всегда хорошее расположение духа, ласками и нежными словами смягчать печаль – вообще утешать и развлекать человека, который серьезно смотрит на жизнь и глубоко захватывает ее?» Если она в состоянии удовлетворить всем этим требованиям, заканчивает он, то для него безразлично, какова она собой теперь, каким состоянием она располагает и так далее.

Варина не отвечала на это письмо. Да и что она могла ответить? Конечно, Свифт писал его не за тем, чтобы получить ответ. Так кончилась эта первая, по мнению некоторых биографов, любовь Свифта.

Признаем ли Свифта жестоким и бессердечным в его отношениях к Варине или нет, – во всяком случае, эта «любовь» не имела никакого серьезного влияния на его дальнейшую жизнь. Другое дело – Стелла и Ванесса; тут целая трагедия, разыгрывавшаяся в течение долгих лет и кончившаяся фатальной гибелью двух безгранично любивших женщин и глубоким несчастьем демонического гения, вызвавшего своею силою эту беспредельную любовь. Такая бескорыстная любовь, существующая как бы даже назло всем обстоятельствам и

условностям, выпадает на долю очень и очень немногих людей, и тот, кто сумел завоевать ее, – несомненно, человек, отмеченный особенною печатью. Это может быть печать вдохновенного гения, а может быть и печать ни перед чем не содрогавшегося злодея, – но, во всяком случае, она – признак того, что мы имеем дело с человеком незаурядным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.